

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

В той степи глухой замерзал ящик.

Отключили свет и отопление,
тихо мерзну ночью у свечи.
Песня вдруг пришла из отдаления,
пирогом запахло из печи.

Непогодой ли в окне чернильном,
дождиком, что в подоконник бьет,
песней или запахом ванильным
возвращаюсь в сорок первый год.

Не налеты вражьей авиации,
не лишения тех горячих лет —
вспоминаю дни эвакуации,
степь за Волгой, деревенский хлеб.

Желтый, словно масло.

Благодати
я такой не видел никогда.
Помню, как колхозный председатель
конные вручил мне повода.

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович родился в 1930 году в г. Лебедине Сумской области. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем русского языка и литературы, завучем и директором средней школы в нескольких деревнях Кемеровской области. В Новосибирске работал радиокорреспондентом, главным редактором радиокомитета, Западно-Сибирской студии кинохроники, Сибирского отделения издательства "Наука". С середины 80-х годов начал печататься в местных и столичных журналах и издательствах. Живет в Новосибирске.

Подвозить харчи крестьянкам в поле
он на месяц обязал меня.
Что мальчишке лучше взрослой доли,
собственной телеги и коня!

Степь да степь, пустынная громада
вся в цветах, как праздничная шаль.
Первозданным хлеба ароматом
расписной простор ее дышал.

Топчется по ней моя лошадка,
над лошадкой — синие орлы.
Этим всем взволнованно и жадно
я дышу до нынешней поры.

Но живу давно уже в Сибири,
греюсь у живого огонька.
В грозном, но таком прекрасном мире,
да еще в нетопленной квартире
вспоминаю степь да ямщика.

* * *

На алтайской горе Филарет
в соснах прячется птица-поэт.
Спой мне, певчая горная птица,
о мечте, что должна воплотиться,
о сверкающем в синем эфире
нам завещанном предками мире,
где не будет вражды и тревог,
спой мне, вещая птица вьюрок.
Спой о чудных закатных разливах,
спой о звездах больших, точно сливы,
спой о нежности и чистоте,
об отшельниках новых в Мульте,
о тебе подпевающих немо
белых водах святого Аккема,
где однажды до Божьего гнева
окрестили Адама и Еву.
Спой мне, птица, и душу встряхни
в наши песню забывшие дни.

* * *

В моем окошке даль мутна,
на дачных стеклах первый иней.
А где-то есть село Мульта
в горах Алтая вечно синих.

Там рота сосен у реки
дозор осенний с небом делит.
Хранят зеленые штыки
недавно выстроенный терем.

Я не попал в него.
Нога
Споткнулась на пороге новом.

Спросила бабушка-яга
с крыльца высокого:
— Кого вам?

Кого мне? Что я мог сказать,
узрев в глазах ее опаску...
Глядел в поблекшие глаза
и отвечал:
— Былую сказку.

ШПАЛЫ ДЕРЕВЯННЫЕ

Лежим без дела рядышком с вагонами,
где в штабеле, где грудой, где вразброс.
Нас заменили на путях — бетонными
и бросили надолго под откос

в соседство с лопухами и с осотом.
Нам их порядок жизни не знаком.
Ведь мы таким промыты креозотом,
что справимся и с грустью, и с грибком.

Считай, Россия вся по нашим спинам
промчалась из величья в никуда.
Могла бы удостоить хоть распилом,
лежать мы не привыкли без труда.

Из нас избу немудрено сварганить
или надежно погреб подпереть...
В конце концов, мы можем в русской бане
по-черному
безропотно сгореть

на языках краснознаменно-алых
недолгого веселого огня...
Ты спросишь, почему пишу о шпалах?
Да потому что с детства им родня.

УЛЫБКА ПОЭТА

Н. Шипилову

Кирпич провинциального журнала.
Обложка — золотые купола.
Внутри стихи о боли после бала,
той самой, что его оберегла

от зыбких истин и улыбок щучьих.
Он мне напоминал улыбкой Че...
Еще в нем жил бездомный облик чукчи
с гитарой, как ярангой, на плече.

Такого не уложишь на полати,
такой патроном ляжет в автомат.
Мы с ним сошлись,
по-русски не поладили...
И, каюсь, я один был виноват,

что за его улыбкой синеокой
не разглядел печального огня,
не оценил души его высокой
в балах-загулах дома у меня...

Расстались мы. В столицу он уехал.
Прославился. И точка бы на том,
когда б в Сибирь не докатилось эхо,
что он погиб в боях за Белый Дом.

Однако оказался не последним
в его судьбе тот сумасшедший бал...
Святой Руси несломленный наследник
в псаломщики небесные попал.

Теперь, покинув наше бездорожье,
оттуда служит будущей Руси:
— Да снизойдет на землю Слава Божья
и утвердится яко в Небеси!

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ

Вы Родине нашей вменили в вину
публично, с амвона, ни мало, ни много,
что страшную мы заслужили войну
за власть коммунистов, отвергшую Бога.

Ну что ж, и церковный, быть может, погром
в семнадцатом тоже был горьким лекарством
за не сохраненный Синодом Покров
Святой Богородицы над государством.

Но я-то в стихах не виню никого
за нынешние и за былые невзгоды,
нам вместе бы с вами вернуть торжество
священной весны сорок пятого года.

В ту пору связать нас сумела беда,
сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждете повинной? Примите тогда
за всех коммунистов

мое покаянье.

Простите, что манны не ждали с небес,
что, Бога не помня, творили молитву,
что строили вместо церквей ДнепроГЭС,
колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.

Что был, не мерещился классовый враг,
что с ним воевали, не прячась по затишкам,
что гибли за цвета кровавого флаг
и верили батьке с усами — не батюшкам.

Но если вернется на Родину Свет
и Знамя победное вновь будет поднято,
я верю — допишется в Новый Завет
апостольский грех большевистского подвига.